

[Сообщение от Редженс Медиа: режиссер Чжэн Юаньшэн приглашает вас на пробы на главную мужскую роль в фильме «Под суетой». Возможность крайне редкая, пожалуйста, ответьте как можно скорее.]

Ши Цзянь несколько долгих секунд пристально смотрел на текст этого сообщения, а затем медленно нажал кнопку блокировки экрана, погружая телефон в темноту.

- Я ухожу.

Чу Юнь взял свой пиджак и, заметив, что Ши Цзянь выглядит каким-то рассеянным и отрешенным, недовольно нахмурился:

- Что с тобой?

- Ничего, - Ши Цзянь быстро пришел в себя и мягко улыбнулся. - У тебя сегодня есть работа?

Он задал этот вопрос совершенно непринужденно, попутно протянув руки, чтобы помочь Чу Юню поправить галстук.

Ли Чжися, стоявший рядом, украдкой взглянул на них, прищурился и, тут же опустив голову, постарался стать максимально невидимым, чтобы не мешать этой сцене.

Чу Юнь молча смотрел на порхающие перед глазами пальцы, и его взгляд невольно упал на изящный бриллиантовый браслет, который едва заметно покачивался при каждом движении кисти.

Он ответил машинально:

- Старшая сестра вернулась в страну и сказала, что ждет меня в галерее «Наследие». Вероятно, хочет обсудить со мной какие-то важные дела.

Чтобы не допустить ни единой ошибки в узле галстука, Ши Цзянь двигался очень медленно и осторожно.

- Ты придешь ужинать домой? - тихо, почти шепотом спросил он.

Чу Юнь внезапно замер, а затем с резким раздражением отмахнулся от руки Ши Цзяня:

- Чего ты копаешься?

К таким внезапным и резким сменам настроения Ши Цзянь за время их отношений уже давно привык, но Ли Чжися, напротив, никогда не мог к этому адаптироваться.

По спине помощника пробежал настоящий холодок, а та легкая и почти интимная атмосфера, что царила в комнате мгновение назад, бесследно и мгновенно исчезла.

- Это не те вопросы, о которых тебе стоит беспокоиться, - холодно произнес Чу Юнь.

Он окинул его оценивающим взглядом, и его брови сдвинулись еще сильнее:

- Перестань смотреть на меня с таким видом, будто я тебя обидел.

С этими словами он развернулся и стремительно ушел.

Ли Чжися поспешно поклонился, прощаясь, а Ши Цзянь с мягкой, едва уловимой улыбкой проводил его взглядом, продолжая наблюдать за удаляющейся спиной Чу Юня.

«Если не беспокоиться об этом, то о чем еще?» - подумал он.

И что вообще значило это - «вид, будто я тебя обидел»?

Ши Цзянь молча размышлял об этом некоторое время, но так и не смог найти подходящего ответа.

Похоже, его искреннее желание оставаться «дома» и добросовестно выполнять свою «работу»

рядом с Чу Юнем не стало проще с течением времени. Напротив, всё становилось только сложнее.

Он по-прежнему не понимал самой сути, не мог точно угадать мимолетные мысли другого человека и совершенно не знал, какой именно поступок может по-настоящему порадовать Чу Юня, а какая случайная фраза - внезапно разозлить его до предела.

Смотрите, одни лишь мысли о Чу Юне занимали всё его сознание, вытесняя всё остальное.

Он снова открыл телефон и медленно, держа устройство двумя руками, начал печатать сообщение.

[Брат Сюй, пожалуйста, помоги мне отказаться.]

Не успело сообщение уйти, как телефон вскоре завибрировал от входящего вызова. Ши Цзянь помедлил секунду, прежде чем нажать кнопку ответа:

- Алло.

Сун Ичжоу вежливо, но официально спросила:

- Господин Ши, я слышала, вы отказались от приглашения на пробы?

Ши Цзянь коротко ответил:

- Да.

Сун Ичжоу продолжила своим ровным тоном:

- Я понимаю ваши опасения, но вы должны осознавать, что значит это личное приглашение от режиссера Чжэн Юаньшэна. Госпожа Чу как раз вернулась в Тяньчэн, может быть, мы встретимся и обсудим все детали более подробно?

Ши Цзянь замолчал, не спеша с ответом.

Он задумчиво потер пальцы и тихо произнес:

- Прошу прощения, помощница Сун, не могли бы вы передать мои слова госпоже Чу? Думаю, я уже пришел к определенному консенсусу с госпожой Чу по этому вопросу.

На другом конце провода наступила тяжелая тишина. Ши Цзянь не знал, размышляет ли она сейчас или запрашивает указания у начальства.

- Поняла, - наконец сказала Сун Ичжоу. - Не буду больше отвлекать вас от отдыха.

Она положила трубку и обернулась к Чу Хуан, которая с непроницаемым лицом сидела на заднем сиденье автомобиля.

Чу Хуан усмехнулась, и в глубине ее глаз промелькнуло странное сочетание пренебрежения и глубокого понимания:

- Он наивно думает, что если просто не будет сниматься в кино, то сможет спокойно и тихо отсидеться в тени.

Сун Ичжоу слегка замялась и тихо, почти нерешительно спросила:

- Попробовать убедить его еще раз?

- Не нужно, - уверенно и твердо ответила Чу Хуан. - Просто отправьте ему сценарий.

Сун Ичжоу не сразу нашлась, что ответить на такое распоряжение.

- Чтобы по-настоящему тронуть Ши Цзяня, не нужны никакие уговоры, - добавила Чу Хуан. - Сам персонаж даст ему ответ.

Чу Хуан была хладнокровной, пронзительной и пугающе рациональной женщиной. Она прекрасно понимала, что для такого актера метода погружения, как Ши Цзянь, внутренний эмоциональный драйв и психологический отклик значат гораздо больше, чем любые внешние убеждения или логические доводы.

- Остальное обсудим, когда я увижусь с Чу Юнем.

- Хорошо, понятно.

Дверь в оранжерею тихо закрылась, отсекая внешний мир.

Ши Цзянь с нежностью улыбнулся окружающим его растениям:

- Я снова здесь.

Ничего не поделаешь, это было единственное место, куда он мог прийти, чтобы обрести покой.

Получить сценарий, который прислали по собственной инициативе, было для Ши Цзяня совершенно новым, непривычным опытом. Раньше - в те времена, что были до «Безымянной птицы» - это напоминало лишь едкие насмешки Сюй Но: тот говорил, что даже уборщики в компании были заняты больше, чем он.

Никогда прежде сценарии не присылали лично Ши Цзяню. Хотя нет, случай с Тун Хуа был другим.

Впрочем, это было не совсем то же самое.

«Безымянная птица» действительно перенесла его в совершенно иной мир, изменив всё вокруг.

Трудно было сказать, хорошо это или плохо, но ледяное, пронизывающее опустошение, которое он ощутил в день окончания съемок, до сих пор отчетливо стояло перед глазами.

Но Ши Цзянь не страдал.

Даже несмотря на холодные, колючие взгляды и постоянные насмешки Чу Юня, несмотря на почти разрушительное, полное самоотречения самопожертвование, то, что получил Ши Цзянь в итоге, во много раз превосходило всё то, что он отдал.

Пэн Шу казался основным источником его страданий, но в процессе съемок, глубоко погружаясь в чужой мир и вскрывая его гнилое, разложившееся нутро, он словно выпотрошил всё, что составляло существование самого Ши Цзяня, включая те темные части души, что давно превратились в ил.

И после этого окончательного разрушения наступило новое перерождение.

Это была живая плоть и настоящая кровь, которую персонаж вернул ему в качестве последнего дара.

В последующей оцепенелости, из которой было так мучительно трудно выбраться, Ши Цзянь чувствовал... всё то же чистое счастье.

Пока не начались бесконечные, изматывающие преследования СМИ, следовавшие за этим скандалы, беспочвенные и злые обвинения... всё это до сих пор было свежо в его памяти. И бесконечную, непомерную цену за это счастье платил Чу Юнь.

Ши Цзянь больше не мог позволить себе быть просто счастливым.

Ему претило раз за разом становиться обузой для Чу Юня, он не хотел видеть, как тот хмурится из-за него, не хотел, чтобы Чу Юнь снова и снова разгребал последствия его проблем.

Он отчаянно сопротивлялся этому вездесущему, голодному любопытству, этим злобным нападкам, от которых было невозможно скрыться, и самому водовороту сплетен, который раз за разом затягивал в себя и Чу Юня.

По сравнению с мимолетным, призрачным счастьем в мире света и теней, осознание того, что он своими руками тянет любимого человека в бездну, стало для Ши Цзяня источником боли, с которой он никогда не мог примириться.

Главным и единственным смыслом его жизни всегда был Чу Юнь.

Другого выхода просто не существовало.

Когда Чу Юнь наконец прибыл в галерею «Наследие», Чу Хуан уже успела согласовать все детали предстоящей поездки с Фан Жуйцю.

- Разве не слишком неуважительно решать такие дела, даже не спросив моего мнения? - Чу Юнь подошел к ним, и его тон был нарочито небрежным.

Чу Хуан лишь усмехнулась в ответ:

- Разве мы не ждем, пока молодой господин лично ознакомится с документами и подпишет их?

Редко когда сестра не язвила и была в достаточно хорошем настроении, чтобы спокойно отвечать на его провокации.

Чу Юнь приподнял брови, взял протянутые Фан Жуйцю бумаги и внимательно, строка за строкой, просмотрел их. Это была самая обычная коммерческая коллаборация, в которой не было никаких скрытых подвохов или коварных ловушек.

Он, слегка колеблясь, поставил свою подпись и сел обратно на диван.

Увидев, что его обычно занятая делами старшая сестра не только не ушла, но и присела рядом, неспешно попивая красный чай, а персонал даже принес изысканные закуски, Чу Юнь слегка выпрямился. Он подозрительно покосился на нее и, не скрывая растущего беспокойства, спросил:

- С тобой... всё в порядке?

На самом деле в этот момент ему отчаянно хотелось спросить, не вселился ли в сестру какой-нибудь демон, но, учитывая общую странность сегодняшней ситуации, он решил немного смягчить формулировку своего вопроса.

Чу Хуан медленно приподняла одну из своих длинных, изящных бровей:

- С нашей последней встречи прошло месяца четыре, не меньше, верно? Паршивец, ты даже не удосужился позвонить мне ни единым словом за всё это время. И вот я сама приехала к тебе, а ты даже чаю не предлагаешь попить и уже собираешься меня выгнать?

Эти слова, произнесенные с неожиданной мягкостью, заставили Чу Юня почувствовать себя крайне не в своей тарелке.

Чу Юнь был из тех людей, которые легко поддаются на ласку и мягкость, но остаются абсолютно глухи к грубой силе. Он с детства привык к атмосфере постоянного, почти изматывающего противостояния в семье и к специфическому стилю общения, где слова летели в собеседника, словно отравленные стрелы.

Однако стоило его обычно властной и сильной сестре сказать всего пару мягких, почти заботливых слов, как он тут же терялся, теряя всю свою привычную уверенность.

Он немного задумался, и его лицо постепенно помрачнело. Чу Юнь опустил скрещенные ноги и подался вперед, сокращая дистанцию.

- Кто доставил тебе неприятности? - он пристально, почти допрашивающе посмотрел на Чу Хуан, словно уже был абсолютно уверен в том, что сестра где-то подверглась несправедливости, и именно поэтому приехала в галерею «Наследие», чтобы втайне показать свою слабость перед младшим братом.

Такая неожиданная и искренняя реакция заставила Чу Хуан на мгновение замереть.

Она медленно, с достоинством поставила чашку на столик и, подняв глаза на брата, лукаво улыбнулась:

- Что за глупости ты себе напридумывал, в своей манере?

Лицо Чу Юня от этого ответа вовсе не стало светлее. Он перевел прямой, требовательный взгляд на стоявшую за спиной сестры Сун Ичжоу:

- Помощница Сун, говори.

Чу Хуан с комфортом откинулась на спинку дивана. Редко когда она смеялась так звонко и открыто:

- Паршивец всё-таки вырос и даже научился жалеть родную сестру.

Увидев, что она смеется искренне, без тени привычного сарказма, Чу Юнь немного поверил ей и снова с облегчением откинулся назад.

- Мне уже двадцать пять, а скоро исполнится двадцать шесть, - пробормотал он с легким недовольством. - Хватит повторять эти скучные вещи вроде того, что я «вырос».

Это заявление рассмешило Чу Хуан еще больше.

- Тогда зачем ты без всякой видимой причины тратишь мое драгоценное время? - Чу Юнь нахмурился, глядя на сестру.

Он искренне надеялся, что она проявит сознательность гостя, поймет его прозрачный намек и как можно скорее покинет помещение, не заставляя его работать сверхурочно.

Смех Чу Хуан мгновенно, словно по щелчку, сменился холодной, пронизательной усмешкой.

«У этого парня всё-таки есть немного совести, но совсем чуть-чуть», - подумала она.

После короткого, многозначительного молчания Чу Хуан небрежно махнула рукой и как бы невзначай, между прочим, заметила:

- Кстати, слышала, что Ши Цзянь отказался от приглашения съемочной группы и заявил, что больше не планирует сниматься в кино?

«Когда это произошло?»

Чу Юнь резко нахмурился.

Он был совершенно не в курсе этих событий.

Съемки, съемочная группа...

Эти два понятия уже довольно давно и окончательно исчезли из повседневной жизни Чу Юня.

«Неудивительно, что в последнее время он ходил с таким жалким видом "маленькой жены", обиженно пялился на меня, отчего внутри всё начинало закипать», – пронеслось в его голове.

Его брови сдвинулись еще сильнее, и он поднял взгляд на сидевшую напротив Чу Хуан:

- Разве не ты сама его мне вернула?

Чу Хуан стало одновременно и досадно, и смешно, но она предпочла не отвечать на эту колкость.

«Неудивительно, что в последнее время всё шло так гладко», – подумал Чу Юнь, с удовольствием вспоминая последние несколько месяцев абсолютного блаженства. В памяти всплыли воспоминания о податливом теле партнера и их смелых экспериментах в новых, необычных местах, например, на открытом балконе под ночным небом...

- Ты вообще меня слушаешь?

Воспоминания были грубо прерваны, и Чу Юнь рассеянно, с ленцой в голосе, ответил:

- Ну и отлично. Лучше пусть никуда не ходит, а сидит у меня перед глазами.

Чу Хуан не стала с ним спорить, лишь загадочно улыбнулась:

- Однако развлекательная компания Яоцзин намерена во что бы то ни стало заполучить этот проект. Се Юйцяо поставила на кон практически всё, чтобы отыграться. Поговаривают, что Дуань Минчуань всерьез намерен бороться за эту роль, надеясь тем самым окончательно затмить Ши Цзяня.

- Мечтать не вредно, - тут же отрезал Чу Юнь, и в его голосе прозвучало неприкрытое пренебрежение. - Видимо, она до сих пор не извлекла достаточно горьких уроков из прошлого.

Он почувствовал легкий укол недовольства и с абсолютно каменным лицом спросил:

- Этот Дуань... как его там... что это вообще за человек?

«Разве это сейчас главное?» - подумала Чу Хуан. Она поняла, что с братом в такие моменты просто невозможно договориться.

Она мысленно усмехнулась, не обращая внимания на его раздражение, и спокойно продолжила:

- Я лично видела план, который предложила Яоцзин, и, честно говоря, условия там более чем заманчивые. Любой режиссер был бы тронут таким предложением.

Чу Юнь замер, словно только что услышал величайшую и самую нелепую шутку в мире. Он снова с комфортом скрестил свои длинные ноги, глубоко откинулся на спинку дивана и его губы тронула недобрая улыбка:

- Условия заманчивые? И насколько же они заманчивые?

- Мне это совершенно неинтересно, - Чу Хуан равнодушно пожала плечами. - В любом случае, если роль в итоге достанется Дуань Минчуаню, на меня это никак не повлияет.

- То, что может предложить она, разве не в моих силах дать? - Чу Юнь всё еще был глубоко погружен в раздражение от того, что кто-то осмелился противостоять ему, используя лишь деньги. Он едва не рассмеялся от нахлынувшей злости. - Пусть только попробует предложить что-то, чего не могу дать я.

Стоявшая позади Сун Ичжоу низко опустила голову, втайне восхищаясь прямолинейным и властным ходом мыслей молодого господина.

- Ты хочешь с ними потягаться, но вовсе не факт, что тебе представится такая возможность, - Чу Хуан медленно вытерла руки, и её пронизательный взгляд скользнул по красивому лицу брата. - Ши Цзянь прямо и открыто отказал мне. Похоже, он не собирается менять свое решение.

Чу Юнь сначала презрительно улыбнулся, а затем с видом абсолютного триумфа задрал подбородок:

- Разве это не очевидно? Мой человек, разумеется, слушает только меня.

Сун Ичжоу хладнокровно подумала о том, что в каком-то смысле они совсем не похожи на родных брата и сестру. Но с другой стороны, они определенно были одной крови, ведь госпожа Чу прекрасно знала, как именно нужно умаслить младшего брата.

В это же время режиссер Чжэн Юаньшэн сидел у окна, задумчиво глядя вдаль. Перед ним на столе лежал черновой вариант сценария фильма «Под суетой».

Под рукой у него находились два досье на актеров.

Одно было представлено развлекательной компанией Яоцзин – кандидат Дуань Минчуань.

Чжэн Юаньшэн, конечно, был хорошо знаком с этим именем. Пять лет назад, во время съемок «Пустоши», у него была возможность поработать с ним, но, к сожалению, тогда Дуань Минчуань был слишком молод. Разница в возрасте с главным героем оказалась слишком велика, и, сравнивая его с другими вариантами, Чжэн Юаньшэну пришлось с сожалением отказаться от его кандидатуры.

Дуань был типичным представителем академической школы актерского мастерства: профессиональное образование, безупречные фундаментальные навыки, сдержанный и глубокий стиль игры. В индустрии он давно заслужил репутацию признанного мастера.

Второе досье, разумеется, принадлежало тому самому Ши Цзяню, которого так настойчиво и горячо рекомендовал Ли Фань, и которого, как опасался режиссер, возможно, так и не удастся заполучить.

Чжэн Юаньшэн видел игру Ши Цзяня в «Безымянной птице» еще на самом раннем этапе отбора и прекрасно понимал, что Ли Фань не просто льстит или хвалит его: у этого молодого человека была настолько острая, почти болезненная чувствительность, что она граничила с

настоящей опасностью...

По правде говоря, Чжэн Юаньшэн изначально больше склонялся к выбору надежных, проверенных мастеров. Ведь метод погружения – это одновременно и великий дар, и совершенно неконтролируемая стихия.

Стиль режиссуры Чжэн Юаньшэна существенно отличался от абстракционизма Ли Фаня; ему была необходима безупречная, почти филигранная точность в каждом кадре.

Но... взгляд Чжэн Юаньшэна снова упал на разложенные перед ним фотографии Ши Цзяня, и он был вынужден признать, что Ли Фань оказался прав.

Этот актер был поистине странным: на серии снимков, где лицо юноши казалось почти лишенным выражения, Чжэн Юаньшэн вдруг смутно разглядел тень самого Фу Сяньчжи.

«Интересно», – подумал он.

Два совершенно разных стиля игры. Прямое, лобовое столкновение академической школы и метода погружения.

За обоими досье стояли одинаково мощные финансовые условия; было очевидно, что обе стороны полны решимости добиться своего любой ценой.

Особенно медиа-корпорация Редженс Медиа. Чжэн Юаньшэн наконец понял, почему Ли Фань говорил, что при выборе Ши Цзяня не стоит беспокоиться об инвестициях.

«Бюджет не ограничен».

Чжэн Юаньшэн отложил материалы, с комфортом откинулся на спинку стула и, помолчав, набрал номер своего помощника:

- Организуй всё так, чтобы и Дуань Минчуань, и Ши Цзянь пришли на пробы.

В конечном счете, актера оценивают по его игре. Какими бы красивыми и впечатляющими ни были досье, решающим фактором всегда остается реальная реакция перед камерой.

Кто из них больше подходит для его фильма в этом противостоянии академической школы и метода погружения?

Чжэн Юаньшэн впервые за долгое время почувствовал истинное, почти мальчишеское предвкушение.

<http://bllate.org/book/17941/1720628>